

ВНУТРЕННИЙ САД

Эмиль Петросян

*Этой ночью я видел во сне реальность;
какое же облегчение я испытал, когда проснулся!*

Станислав Ежи Лец

1. День свертывался и разворачивался, как нечто странное, увиденное в микроскопе. Я наблюдал за ним, за его превращениями, и понимал, что он растет в размерах. Он может разрастись до недели, месяца или даже года. И его границы непреодолимы. Мы в мыльном пузыре дня плывем над реальностью, пока он не лопнет.
2. Я раскатывал день, как тесто. Лепил из него фигурки и долго запекал в душе.
3. Сознание возмущалось, как волны на воде. Я погружался на дно и всплывал на поверхность за новым глотком впечатлений.
4. День пульсировал и трепыхался в моей руке, как птица. Я заглянул в его глаза и увидел, что они сверкают инопланетным блеском.
5. День уходил в бесконечность. Числа, которые утратили свою силу. Действие всех физических законов приостановилось.
6. День превращался в множество. Разваливался на микроэлементы и собирался в единый монолитный кусок субстанции. Фракталы плавилась в моих глазах.
7. День гудел, как паровоз, и трогался с перрона. А я бежал за ним, пытаюсь запрыгнуть на подножку. День был индустриален и тяжел. Он поднимался ввысь фабричными трубами, как листьями, и покрывался промышленными сооружениями, как соцветиями.
8. День заполнялся формулами, как доска в математических дискуссиях. Я чертил отрезки и геометрические фигуры на салфетке в утреннем кафе. Мой кофе источал аромат прощания со снами. И я ощущал себя каналом, через который струится истина. Велосипедные прогулки под дождем.

9. Я собирал день из кубиков. Они разваливались, и я снова начинал их собирать. Разноцветные кубики, в пространствах которых менялись реальности. И попасть в них было очень легко - достаточно было захотеть. И я хотел - и менял цвета реальности, и выделял одно из целого потока вещей, и это одно благодарно улыбалось мне, выкладывая передо мной всю бесконечную историю своего развития.

10. Окно раскрывается, как цветок. Связь с миром по ту сторону окна. Я стою возле него, как телефон, подключенный к зарядочному устройству.

11. Люди из моего прошлого и будущего. Я потерял людей настоящего. Каждый из них стоит и излучает свою радиостанцию. Интерференция. Я просто волновая функция.

12. Я тону в радиоволнах. Все смыслы и желания, заложенные в слова людей, не реализуясь, создают определенный фон, который заглушает мое восприятие действительности. Я пытаюсь прорваться через пелену слов к чистому восприятию, но сигнал потерян.

13. В моей жизни всегда было очень много людей. Они то появлялись, то исчезали. Они мерцали, как звезды. Иногда они все сливались в одного человека, а иногда один человек превращался в целую толпу.

14. В каждом знакомом человеке - целая толпа незнакомых людей, которые толпятся возле тебя, когда тебе плохо.

15. Всем людям свойственно показывать фокусы. Они проделывают это то очень медленно, то совсем быстро. Я все время занят разгадкой их очередного трюка. Но фокусы не имеют ничего общего с чудесами. В чудесах все происходит само собой, без нашего участия.

16. Некоторые люди появляются в моей жизни всего на несколько секунд: случайные прохожие, люди в учреждениях, люди в телевизоре. Я живу в вакууме самого себя. И как только происходит разгерметизация, я начинаю задыхаться, не осознавая, что именно в этом мое спасение.

17. Пробиться к человеку. Даже если для этого придется потратить все свои сны.

18. Изолированные жизни с изолированными маршрутами. Иногда появление человека происходит настолько неожиданно, что его можно принять за йети.

19. Мы остерегаемся людей. Нас запугивают выпуски новостей. Нас запугивает правительство. Разделяй и властвуй. Мы разобщены и счастливы этим. Вот и сегодня, увидев единственного человека в огромном подземном переходе, предупредительно сжимаю кулаки.

20. Мы получаем мир в готовом виде, как клубок чувств, который мы пытаемся распутать. Как код, который необходимо расшифровать. Уверен, что чистых чувств не существует. Любовь всегда является с оттенком страха, радость – с оттенком печали, удовольствие – с оттенком боли.

21. События, которые опережали друг друга, отставали, догоняли и сливались одно в другое. Вся жизнь, как один цельный слиток.

22. События – как живые существа. Они рождаются, растут, создают семьи, размножаются и умирают. Они болеют, они ошибаются. Они исчезают и появляются в другом месте.

23. Я всегда был очень сложным механизмом, очень тонко настроенным научным сверхточным прибором. Но мной всегда забивали гвозди. Потому что человек практически не изменился с первобытных времен: основное его орудие труда – молоток.

24. Каждое движение моей души зависело от миллиарда взаимосвязанных элементов моего сознания. И я чувствовал каждое. День был протяженный и веселый. Я рассматривал его под микроскопом своей души. Я препарировал его. Он был живой и подвижный. Он смотрел на меня. И это был осмысленный взгляд. Я разговаривал с ним. А он только улыбался и ничего не отвечал. Пока я разделял один день, появился второй. День размножился. Это открытие поразило меня.

25. Я думал, что все дни автономны. И вдруг я понял, что каждый день вытекает из предыдущего. И в каждом дне есть все предыдущие дни. В каждом новом дне вся история человечества. Вся история зарождения вселенной. Вся история нас самих.

26. Я долгое время не понимал смысла ночи. Но теперь мне кажется, что я близок к пониманию ее сути. Ночь – это склейка. Монтаж. Транспортировка из прошлого в будущее. Наложение одного дня на все предыдущие. Это копия нашего сознания.

27. Как мы себя ощущаем, такие у нас и ночи. Ночь – складка. Полноценный день, скрываемый от взглядов. Ночью все люди превращаются в животных. Ночь – пластическая операция по вживлению всего в ничто. Ночь – это машина, фабрика. Ночь штампует сны, один за другим, как на конвейере.

28. Я дышу медленно и глубоко. И сон вливается в меня. Тишина предваряет озарение. Озарение разливается по моему телу обжигающей экстатической волной. В моем новом сне я капля, и я медленно растворяюсь. Я лечу над городом, зеркальный, отражая яркий солнечный свет. Мои силы иссякают, и я падаю. Я разбиваюсь, и меня собирают по кусочкам, как мозаику.

29. Мгновенные дни, вспыхнувшие и тут же погасшие. Замкнутые и длительные дни. Я неподвижен. Я зажат в кольцах удава дня. Я вижу предмет и понимаю, что это дверь. Я слышу слова и понимаю, что это дверь. Все предметы и все слова раскрываются, как двери. Люди – это двери.

30. Время создает впечатление. Границы нашего мира расширяются, чтобы в какой-то момент снова сжаться в бесконечно малую точку. Пространство кипит и разливается, как молоко. Белое - отправная точка. Пульсация событий. Прошлое и настоящее молчат. Тонкая нить сна связывает предметы друг с другом. Человек бежит навстречу своим воспоминаниям. А они бросаются врассыпную.

31. Он накидывает крючок на тугой канат мысли. Еще секунда - и он начинает по нему стремительно сползать вглубь себя. Там в самой глубине, где все еще живет детство. Ощущения далеких теплых солнечных дней качают ветви памяти. Двери солнца распахиваются.

32. Все начинается с детства. Начальная точка многочисленных лучей, проведенных в будущее. Тонкая ткань чувств, сплетенная жизнью.

33. Восточный теплый морской город, в котором прошло мое детство. Частный домик с навесом, под которым вечерами собиралась вся большая семья и пила ароматный чай. Инжиры, гранаты и тутовые деревья. Розы. Зной.

34. Сладостно-горький вкус лета. Сад с пульсирующими цветами. Все связано со всем квантовой запутанностью.

35. Вся пластика востока в этих обласканных солнцем листьях. Цвета, запечатленные в памяти, медленно - оттенок за оттенком - проникают в сознание. Яркий красочный павлин солнца по утрам, прохаживающийся по двору. Яркие цветы после полудня, застывшие, словно картины в витражах.

36. Мир радостных людей. Молодые и красивые родители. Идиллия бесконечного счастья. Так начинаются все трагедии.

37. Все хорошее рано или поздно кончается. Внезапное безумие, охватившее город. Межнациональный конфликт. Изменения людей. Превращения в зверей. Кровожадность. Обыкновенное зло, разросшееся до вселенских масштабов.

38. Черно-белый период. Выжидание. Крушение иллюзий. Монохромно красная тревога Марка Ротко. Бегство на историческую родину. Жизнь с нуля. Позорный статус беженца. Бездомность.

39. Проживание у бабушки с дедушкой. Вечные конфликты. Дед-тиран и его вечные запреты. Отвращение у местного населения. Отторжение у близких.

40. Никто не бывает для людей так мерзок, как человек, попавший в беду. Новая школа. Новый класс. Спокойные и обеспеченные одноклассники. Катастрофическая нехватка денег. Школьная форма на все случаи жизни. Отсутствие выходной одежды. Первые вечеринки. Самый красивый и самый плохо одетый.

41. Страшное землетрясение. Мигающий свет аварийного освещения. Развал советской империи. Детство закончилось очень быстро. Детство выпало из рук и разбилось. Я сидел у осколков своей счастливой предыдущей детской жизни и со страхом смотрел в будущее.

42. В то время родители всегда говорит мне, что все будет хорошо. И я им верил. Остаться без дома - все равно, что остаться без имени. Огромный ветреный бушующий океан душевных переживаний, втягивающий в свою пучину. Семья мечется из стороны в сторону, как щепка.

43. В детстве мои представления о будущем были ярки и звонки. Но осознание будущего наступает только вместе с переживанием настоящего. Будущее не есть продолжение настоящего. Будущее - конец прошлого.

44. 12 лет. Прорубь. Чудесное спасение. Вера в особое предназначение. Первое крупное чудо после чуда рождения в своей семье. Покупка квартиры. Безумные долги.

45. 15 лет. Первая настоящая любовь. Она прекрасна. Ей тоже 15. Ее нежные бедра пылают в моих руках. И этот огонь высек я.

46. Сила физиологического. Осознание силы материального мира. Счастливая и сентиментальная любовь. Желание умереть и воскреснуть.

47. 16 лет. Поступление в университет. Храм науки, обернувшийся планетой обезьян.

48. Вторая настоящая любовь. Первая настоящая отверженность.

49. 17 лет. Период хиппи. Вера в то, что любовь спасет мир. Красота как базис.

50. Первая рок-группа. Первый концерт. Первый взлет. И первое падение. Первый серьезный парадокс. Потрясающий успех у девушек, в которых не был влюблен, и полное фиаско с девушками, в которых влюблялся. Судьба неоромантика.

51. 20 лет. Третья настоящая любовь. Снова отверженность. Осознание бренности существования. Но если тщательно покопаться в сознании, то приходит осознание того, что я никогда не был по-настоящему отвержен. Это была странная инстинктивная игра, благодаря которой я стал поэтом. Игра в трагедию.

52. Эпоха эротизма. Зачатки порнографического воображения. Осознание жизни, как дороги с односторонним движением. Огромное количество друзей, подруг, знакомых, друзей знакомых и знакомых друзей.

53. Люди как составляющие карточного домика дня. Произвольная трактовка событий. Всевозможные улицы, то появляющиеся, то исчезающие в круговороте будней. Расцветающие улицы. Вянущие улицы. Улицы, залитые солнцем. Улицы, уносимые ветром. Улицы воспоминаний. Улицы переживаний. Улицы, в которых живет время. Время, в которое живут улицы.

54. Мы в реке времени, и она несет нас к обрыву. Мы плывем по этому бурному потоку, преодолевая пороги. Река времени – это водопад.

55. Вот здесь я ходил с девушкой, волосы которой сверкали, как солнечные зайчики. И ее глаза были полны нежности, а сердце полно любви.

56. Эти улицы полны слов. Эти улицы полны снов.

57. В том странном сне я стоил весь в черном. И душа у меня горела, как горло горит от острого. И тело дрожало от желания. И я говорил ей, что он ангел. А она смеялась надо мной и продолжала есть свой виноград. Я зажимал ее зад в своих ладонях и катал его, как большой горячий кусок теста. Каравай счастья.

58. Я веду караван своих ослепительных снов через серую пустыню жизни.

59. Как-то она рассказывала мне сон о том, что выращивала у себя в саду толстые зеленые пенисы. Она поливала их из шланга, и они росли прямо на глазах. У нее были всегда очень интересные сны. Например, ее сон о красивой сверкающей змее, которая пыталась проникнуть ей в анус. Она испытала настоящий экстаз, но в то же время страх. Она хотела, чтобы это продолжалось дольше, но осознавала, что последствия могут быть ужасны. Она сказала, что в роли змеи выступал я, и я смертельно ужалил ее своим поцелуем.

60. Женщина – это всегда лето. Особенно зимой. Женщина – это всегда осень. Это грусть от невыносимости прекрасного. Женщина – это всегда весна. Ее глаза расцветают, как сады. А ее взгляд одновременно нежен и прохладен, как майское солнце. Женщина – это всегда зима. Достаточно увидеть красивую девушку в летний знойный день, как обдает холодом. И краски гаснут. И день становится ночью, а солнце луной.

61. Все мы приходим из сна и уходим в него. Сны - наша главная родина.

62. Как бы я ни чувствовал себя несчастным, внутри меня всегда играла прекрасная музыка.

63. Во многих культурах бог и природа тождественны. Я же думаю, что они далеко не одно и то же. Природа – это трансцендентное, обыденное, объективный ход вещей, то, что не зависит от воли человека. Бог же - имманентное, праздничное, интимное, то, что способно все изменить.

64. Природа – это бурный уносящий поток, а бог – это попытка устоять и выбраться из потока. Бог человечнее самого человека. Сладострастное - душераздирающе.

65. Когда мне плохо, я хожу в храм. Я не верующий, но я религиозен. Храм – это транспорт, перевозящий меня на небо и обратно.

66. Длительность жизни художника зависит от того, насколько долго он способен вынести одиночество.

67. Будущая жизнь художника - в его произведениях. Сон №2. Он идет по большому дому с огромными распахнутыми окнами. Дом покачивается, словно на волнах. Одна часть окон выходит на море, а другая в сад. Дует нежный морской ветер, развеваются тюлевые занавески. Играет нежная электронная музыка. Он медленно ступает в предрассветной тишине. Долго не может понять, где находится. И тут он слышит, как кто-то тихо напевает песню. Окна постоянно перетасовываются, и он теряется в пространстве. Он - Алиса в стране чудес. Пространство ощущается, как

живое. Оно изгибается, оно подвижно. У одного из окон он видит ее. Она сидит босая, в ситцевом тоненьком платье. Ее волосы распущены и развеваются на ветру. Она смотрит в окно. Он смотрит в ее распахнутые лучистые зеленые глаза и словно его затягивает в самую пучину океана. Она смуглая, вкусно пахнущая, с отливающей бронзой кожей. Он чувствует, как от нее исходит жар. Ее соски как первопричина. Он припадает к ним, как к источнику всего сущего. Ее тело – как путь во внутренний сад. Она растворяется в нем целиком, как сахар растворяется в воде.

68. В голове стучат некогда прочитанные слова: «Кто ты, дева с сияющими волосами, что веют по ветру, как легкое знамя. Смотрю на тебя я украдкой часами. Кто ты, дева с сияющими волосами!».

69. Детские годы, школьные годы, университетские годы крадутся по моим следам. Все люди, которых я знал и с кем когда-либо пересекался, трясутся в моем мозгу, как в душном тесном вагоне.

70. Я начал работать в 20 лет.

71. Как-то ночью я услышал глас Божий, который сказал мне: "Эмиль! Только немногие люди могут проникнуть в тайны мироздания! И ты один из них! Но тебе предстоит одно самое важное испытание - ты должен побывать в аду". Так я попал на капиталистический рынок труда.

72. Жизнь поэта – это поиск любви, череда переходов из ниоткуда в никуда. Он постоянно находится либо в состоянии несчастной безответной любви, либо в предвкушении ее. Его сердце наполнено океаном тоски. Только в этом состоянии он может выйти за границы самого себя.

73. День разрезался на части, как кусок материи. Лоскуты событий. Лоскуты людей. Лоскуты слов. Красное пульсировало в окне. Светофор сходил в точку и расходился разноцветными лучами. Вечер разворачивался, как старый папирус, испещренный таинственными надписями и сакральными пометками. Все лежало на своих местах.

74. Фотокадр утра. Мгновение солнца. Февраль проплывает, извиваясь и пульсируя, как медуза. В теплой мокрой мордочке сна обнажаются острые зубы завтра.

75. Улица в окне пугливо обернулась. Шум нарастал и нарастал, пока не ушел в другое измерение. Еле слышная мелодия закатилась под стол. Ноты пылали в ушах.

76. Жужжание сверла скуки. Я сижу на потолке пола, замерев, словно муха. Мой взгляд ползет по оконному стеклу книги. Все читатели с той стороны стекла замерли.

77. Слова ведут ожесточенный бой и подрываются на смысле. Я встаю с дивана, словно красавица из стеклянного гроба. Поцелуй истины пробудил меня для сегодняшнего дня.

78. Два луча коридоров. Дорога вверх и дорога вниз - по сути одна и та же дорога. Гири рук тяжелы. Тело болит и ломит.

79. Еще теплый и удобный симфонический зал дивана. Звук с записи летает надо мной как коршун, вгрызаясь в сонную артерию.

80. Моя биография в постоянных сменах декораций. Все меняется очень медленно и длится очень быстро. Эмиль Петросян и передвижной цирк его мыслей.

81. Будни - самое страшное, что может приключиться с поэтом. Ощущение того, что все потеряно безвозвратно. Простые вещи могут в какой-то момент стать невыносимыми и вызывать стойкое отвращение. Иногда на меня находит такое внезапное и сильное ощущение тоски, что хочется бежать.

82. Древние считали, что каждый человек резонирует на определенной ноте. Каждый человек – это звук. И звезды – это тоже звук. Все, что нас окружает, - звук. Даже свет.

83. Невозможность тишины. Несколько шагов до бога еды могут возродить мой интерес к жизни.

85. В окне посерело. Шел микроскопический дождь. Но его нигде не было видно. Как будто вещи мокли сами по себе. Словно какая-то внутренняя влага стала покрывать все предметы, поглощая их сантиметр за сантиметром.

86. Все становилось однородным. Как лица в толпе или деревья зимой. Однородность как принцип выживания. Вот человек и асфальт, по которому он идет, сливаются воедино: просто серая движущаяся масса.

87. Пора включать искусственный свет. Лампочка, которая вспыхивала посреди мрака как ночное смс-сообщение.

88. Иногда я сидел, не включая свет все первые часы вечера. Я ощущал себя героем фильмов нуар. Я ощущал, что что-то странное происходит с этим миром, но не мог понять, с чего я это взял.

89. С темнотой приходит и одиночество. Когда мне удавалось разбавить вечер красивой девушкой, я пил его маленькими глотками и, напиваясь всласть, безмятежно засыпал.

90. Когда же вечерами я оставался наедине с самим собой, меня начинали одолевать страхи. Иррациональные страхи, граничащие с безумием. И в такие моменты я понимал цену присутствия человека.

91. Все, что я воспринимаю на уровне ощущений для меня реальнее самой реальности. Иногда это состояние задерживается на всю ночь. Все это время в моей голове словно формируется огромное жуткое болото. Все, что я видел и слышал, уходит вглубь моей души и больше никогда не возвращается, накапливаясь и придавая душе тяжести.

92. Огромный вселенский ксерокс печатает без остановки дни, похожие друг на друга.

93. Мне никогда не нравилось работать. Я никогда не видел в этом смысла. Зарабатывать деньги было тяжелым и неблагодарным занятием. Я пытался было освоить технику йогов и пытался обойтись без денег. Но оказалось, что в мегаполисах это невозможно, а вне крупных городов я жить не могу.

94. Устроившись на работу, я сразу же решил накопить некую сумму на всякий случай. На тот случай, когда мои нервы сдадут, и я не смогу больше бороться с самим собой. Когда я не смогу сделать даже шаг в сторону офиса.

95. Я никогда не был лентяем. Просто не хотел тратить силы и энергию на ерунду, не приносящую мне ничего, кроме разочарования и тоски.

96. В основе капиталистической эксплуатации лежит присвоение прибавочной стоимости. Все что делается человеком, должно либо приносить удовольствие, либо обеспечивать духовный прогресс. Работа не должна убивать. В моем же случае, всякий раз возвращаясь домой, у меня было такое ощущение, что я чудом избежал смерти.

97. Материальный прогресс конечно же необходим, но только не во вред духовному.

98. Можно предположить, что трудолюбивых людей не существует. Есть психопаты, которые не знают, как распорядиться своим временем и своей жизнью. И пытаются свою проблему перенести на всех.

99. Есть еще категория людей-паразитов, которые вообще ничем не обеспокоены и всячески избегают любого труда или работы, они занимаются только тем, что переводят хлеб в дерьмо. Проводники дерьма.

100. Очень важно удержать работу на грани, за которой начинаешься ты сам. Работа, как саранча. Она поглощает все время и все пространство. Работает ли Вселенная? Делает ли она что-то через «не могу»?

101. Погода ухудшается. И сон, который еще недавно медленно, как игла, просачивался в наши вены, теперь плещется вокруг люстры, как инопланетный вирус. Нервы - подарок эволюции. Если верить в то, что все мы произошли от одноклеточных, то мы приходим к мысли, что с изменением масштаба изменяется и задача.

102. Во сне ко мне пришел инопланетянин. Он всегда приходит, когда мне становится особенно хреново. Этот инопланетянин красив, умен и роскошно одет. Он мой герой. Он – это идеализированный я. Инопланетяне во сне - к просветлению. Мы поговорили, и он поведал, что скрывается от банка, выдавшего ему ипотеку. Узнав же, что на Земле она тоже существует, - он мгновенно растворился в воздухе.

103. Утренний свежий ветер. Ранняя весна уже взбалтывает гормоны в своем подснежном блендере. К деревьям возвращается стыдливость. В их неестественных позах попытка прикрыть свою наготу. Биологические соки готовят их к эякуляции листвой.

104. Первая длительная осенняя прогулка. Пункт назначения - парк. Парк, который он помнит с детства. Парк стоял хмурый и безлюдный. Но была у парка одна волшебная черта, которая позволяла человеку принимать его таким, какой он есть сейчас. Запах парка. Запах листвы и почвы. Запах деревьев. Запах залитых солнцем скамеек. Запах детства. Островок живности в железобетонной центрифуге.

105. Просыпающиеся от зимней спячки медведи деревьев и ежи кустарников. Птицы, в голосах которых слышались теплые приветливые нотки, нотки приближающейся весны. Прелый запах перегноя отсылает к школьным субботникам, когда вся школа выходила убирать территорию парка и сажать молодые деревца. Мальчики и девочки сообща собирали листья для гербария. Не

было никакого противостояния полов. И казалось, что мир будет вечно таким же молодым.

106. Раньше недалеко от танцплощадки, возле небольшого пруда стояла "летающая тарелка", старый аттракцион-карусель. Ржавая махина, некогда приносившая столько радости своим пассажирам. Дети усаживались в прорезанные в огромном металлическом диске отверстия и чувствовали себя инопланетянами.

107. Дети сидели в своих лунках и дрожали от восторга пространственных искажений людей, крон деревьев, мечущегося над их головами солнца. Тарелка раскручивалась все сильнее и сильнее, доводя все окружающее до импрессионизма. Дети визжали от удовольствия, их голоса сливались со скрежетом этого гигантского металлического колеса, и создавалось ощущение, что слышишь межгалактические послания.

108. Было время, когда я часто вспоминал школьные годы. За свою жизнь я поменял несколько школ и куда больше классов. И в каждом классе находилась девочка, которая заставляла меня смущаться. Сейчас я не назвал бы этих девочек красивыми. Но в них было что-то очень женское, живое, иное.

109. Долгое время после окончания школы мне казалось, что в ней больше никто не учится. Что она давно умерла, закрылась, прогнила. Всякий раз, переходя из какого-то жизненного этапа в новый, кажется, что все оставшееся в старом этапе, все события, люди, места, - все это давно исчезло, а может, и никогда не существовало.

110. Вообще странно, что что-то может продолжаться без нашего участия. Странно, что люди, с которыми я уже давно не общался, продолжают существовать.

111. С момента моего окончания школы прошло много лет. За это время в школе было много новых наборов учеников. Я закончил университет. Искал работу. Нашел. Ушел с нее, потому что не видел в ней смысла. Потом снова устроился на другую работу. И также ушел через некоторое время.

112. Капитализм не давал мне покоя: он не позволял заниматься любимым делом. Он диктовал жесткие условия жизни. Это напоминало серию ударов перед нокаутом.

113. Капитализм – это охота и собирательство. Социальные лифты застыли и ждут жертвоприношений. Природа безучастна. Социум токсичен.

114. Материнские руки. Часто в перерывах на работе, когда абсурд становился нестерпимым, я вспоминал свою мать, которую любил кусать и щипать за полные руки. Материнский запах - запах жизни. Это основная нота.

115. Сегодня человек решает устроить разгрузочный день. Едет в торговый центр. Ходит по магазинам. Знакомится с девушками, берет у них номера телефонов, покупает новые шмотки. Затем выбирает лучшую девушку из всех, с кем за сегодня познакомился, и встречается с ней вечером, а с остальными переписывается в чате, пока они как-нибудь не понадобятся. Полуфабрикаты.

116. Выходные пролетают незаметно. И как ни пытаешься втиснуть в них побольше событий и впечатлений, они проходят бесследно. Начинаются рабочие будни. И люди снова отправляются на работу, как на войну.

117. Вообще же, люди, довольно милые и обходительные в быту, на работе становятся большими выдумщиками по части взаимной эксплуатации.

118. В мыслях о женщинах проходят лучшие годы жизни. «Отлично», - ответила девушка, дрогнув пахом, и им, словно швейной машинкой, пристрочила мою душу к телу.

119. Какой-то тип из сна сказал мне, что женские груди как рудиментарная дополнительная пара рук с первобытных времен собирательства. Однако поскольку необходимость в их хватательных свойствах в цивилизованном обществе отпала, то руки трансформировались в груди; соски – это эволюционировавшие ладони. «Женщина – это паутина бытия» - заключил он. А потом добавил: «До женщины мы свободны и легки, но стоит нам с ней пересечься, как нити бытия начинают сигнализировать о попавшей в нее жертве. Выползает здоровенный паук страсти и начинает нас медленно пить, как кофе. И когда он нас опустошает, мы остаемся высыхать, болтаясь на ветру в оторванном куске свернувшейся паутины, некогда именуемой нашей жизнью».

120. Кровеносная система человека напоминает дерево. Все мы носим в себе дерево, ожидая его расцвета.

121. Картина завершена, когда все цвета встанут в пазы. Финал картины, это тягучий гармоничный септаккорд, словно прочищающий язык от вкуса.

122. Когда я рисую на работе кого-нибудь из коллег, они постоянно удивляются, почему я рисую им красные носы, зеленые щеки и желтые волосы. Я, конечно, пытаюсь им объяснить, что они не видят и десятиллионной доли цвета,

наблюдаемого мной. А потом, как мне еще объяснить, что они, по своей сути, клоуны.

123. Мы живем в отвратительной системе, основанной на жестоком прагматизме и непрерывной эксплуатации людей. В этих условиях, все, что не приносит прибыль - под подозрением.

124. Образ множественности во всех культурах наделялся атрибутом страдания. Всякий выбор есть страдание. И в этом смысле, бесконечность есть страдание.

125. Блики солнца напоминают море голов, уходящее к горизонту.

126. Он едет в маршрутке. Рядом сидит одна из "подснежников", девушек, которые, несмотря на холод, уже по-весеннему сексуально одеты. У нее красивые ножки в тоненьких колготках, красивые красненькие ушки, нежные руки с длинными пальцами и аппетитная мясомолочная грудь. Он знакомится с ней. У нее молодой человек, и она его очень любит. Поэтому она не может сходить с ним в кино, но разрешает себя проводить. В подъезде выясняется, что она живет с матерью и мать работает допоздна. Остальное делает физиология.

127. После таких встреч человек чувствовал себя легче. Он включал музыку, ложился на диван и вспоминал свои приключения, забывая обо всех невзгодах. Определенно, секс - хорошее обезболивающее против капитализма.

128. Ночь спустилась вязкой копотью. Здание, в котором он жил, находилось на отшибе. Вокруг промзона. Цветок на окне, несмотря на регулярный полив, очерствел. Он отражался в стекле и отбрасывал странные тени. Но он еще был живой. И человек часами смотрел на него, ожидая его воскресения и связывая с этим свое возрождение.

129. Цветок бился в конвульсиях. Пора было заводить новое живое существо. Девушку он прокормить не сможет. Поэтому человек завел попугайчика.

130. Попугайчик мало ест, много шумит, создает оживление в квартире. К тому же, его наверно можно научить говорить отдельные фразы. Только как его назвать?

131. Был куплен волнистый попугайчик. Назван - Басё.

132. Попугай был неразговорчив и не способен к обучению. Человек посмотрел в попугайчиковы глаза и поразились их невыразительности. "Из такого толка не выйдет", - подумал один из них.

133. И все же, с появлением попугая жизнь человека стала заметно интересней и разнообразнее. Попугай вставал рано и провожал его на работу, а вечером радостно встречал с работы. Ведь так важно, когда тебя дома кто-то ждет.

134. В один из майских дней вошла она. Вступила в его жизнь, как в нетоптанный заповедник. Ее ноги, длинные и гладкие, блестящие, как свежая выпечка. Ее волосы, пахнущие рассветным воздухом и душистым утренним кофе. Ее глаза, распахнутые, как окно в сад. Ее грудь с затаившимися в истоме темными выпуклыми сосками. Ее бедра, звучащие как литавры. Ее губы как гроздь черешен.

135. Она говорит мало, смеется много. Ее улыбка завораживающая и опасна как цирковой номер с огненными кольцами и ножами. Басё молчит. Изучает. Его маленькие попугайчи глазки в недоумении. Он всего лишь что-то. И он никогда не станет кем-то. Он ей не соперник.

136. Человек подходит к ней и накрывает поцелуем ее рот. Она делает вид, что сопротивляется. Ее тактика проверена тысячелетиями. Ее ажурные трусики заполняют собой все его информационное поле. Это сгусток энергии, готовый к реакции. Ее груди, затаившись, опасно поглядывают на него, как напуганные крольчата. Он хватает олимпийский факел ее паха и убегает с ним вглубь себя, к самым потаенным ощущениям и желаниям. Ее язык впивается сверлом в его голову и доходит до самого сердца.

137. Она кусается и смеется. Она – это два равноценных животных: животное верхнее и нижнее животное. Человек сверху и животное снизу. Она - как всадник на лошади. Именно в таком виде конкистадоров боялись индейцы, потому что те при падении отделялись от лошади, а индейцы считали их единым животным.

138. Оргазм наступает, как перебор на арфе. Скорость перебора струн нарастает. И какая-то невероятная гармония заполняет все тело.словно бог ненадолго одарил своим присутствием. Определенно, оргазм – это экстренная связь с богом. Это точка пересечения жизни и смерти.

139. Она ушла. И не осталось ничего. Дождь сладострастно облизывал окна. Весь день лило как из ведра. На работу человек не пошел. Надо было отлежаться. Начиналась простуда. Ломота и тошнота. Вата в мыслях. Он посмотрел в окно и увидел людей, спешащих на остановку и бегущих из магазина.

140. Вот идет человек, пожилой, в сером плаще, без шапки, он смотрит только перед собой. А вот девушка в коротенькой юбке с полными, но красивыми ногами

торопится успеть на троллейбус. А вот две пожилые женщины под зонтом, о чем-то увлеченно говорят и заходят на почту. Много людей, спешащих в разные стороны, по разным делам и с разным настроением. Что тут скажешь, у каждого человека своя идиотская история.

141. Человек всегда надеялся только на себя. Как бы плохо ему ни было, он старался решать свои проблемы самостоятельно. У него были родители, которые раньше всегда о нем заботились. Теперь же они постарели, человек сам должен был заботиться о них. Но у него никак не получалось это сделать. Но когда ему становилось совсем плохо, он, в первую очередь, звонил домой. И он прекрасно понимал, что каждый звонок всего лишь обезболивающее. Действие звонка пройдет, и боль возобновится с новой силой. Никто на свете не знает, что у него в душе открылась бездна.

142. Болезнь не отступала. Он никак не мог понять, что с ним. Сначала ему казалось, что у него бронхит: вот к чему приводят прогулки в непогоду. Тот парк был красив, но, вероятно, все красивое болезненно. Тело ослабло и болело. Постоянно тошнило. Он подумал, что отравился чем-то. Голова потяжелела. Полная апатия. Впервые за столько лет он за целый день ни разу не включил телевизор. Он просто лежал, словно выключенный из сети. Он влюбился.

143. Он смотрел на стены, которые его окружали. Сколько им лет? Сколько лет назад появился этот дом, в котором он снимает квартиру? В этом доме наверняка перебывало много разных квартирантов. Кто знает, что с ними творился в этих же стенах. И сегодня так же, как и много лет назад, по полу ерзали солнечные лучи и тараканы, переливающиеся как лакированные туфли.

144. Вдруг раздался звонок. Звонил его двоюродный брат. Человек со странной судьбой, некоторое время пролежавший в психушке, поэтому ему было не просто общаться с людьми. Брат решил заехать к человеку, чтобы провести его. Человек не выходил из дому уже несколько дней и попросил его купить по дороге что-нибудь съестное. Брат явился через полчаса с двумя большими пакетами гречки и большим тортом. Гречку сварили и съели тут же. Торт оставили на потом. Человек попросил брата побыть с ним немного. И он остался. Пока он смотрел телевизор, человек поспал.

145. Это был безумный сон, в котором он летал над городом и мочился на прохожих. Он летал долго, испытывая смешанное ощущение животного восторга и дикого страха. Люди бросали в него камни, но он мастерски уворачивался, пока случайно не помочился на трансформаторную подстанцию - и его не ударило током.

146. Человек проснулся, когда на улице стало уже совсем темно. Брат сидел в кресле и смеялся, смотря по телевизору какую-то юмористическую передачу.

147. - Я хочу написать роман, но у меня нет компьютера, - сказал человек. - Я достану тебе компьютер, - сказал брат.

148. Через пару дней брат откуда-то достал компьютер с индийскими символами на клавиатуре. Сказал, что этот ноутбук ему завещал какой-то индус из универа, который уезжал домой в Индию. Русских символов на ноутбуке не было, и человек долго мучился, прежде чем у него стало получаться набрать хоть что-то вразумительное.

149. Он сочинял рассказ про человека, сознание которого каким-то чудесным образом отделилось от тела и обнаруживало себя в телах других людей. Стоило ему посмотреть на человека, как он оказывался в его теле и на него обрушивался весь груз его проблем и вся его память. Сознание стало самостоятельной сущностью, материализованным умом. Оно вселялось в человека, а потом исчезало и появлялось где-то в другом месте. И в какой-то момент человек понял, что он появляется там, где человеку хуже всего. И тогда он возомнил себя богом. И тут же умер в образе 90-летней старухи в полном одиночестве.

150. Люди не виноваты в том, что рождаются с мечтой о счастье. Живут с мечтой о счастье. И с мечтой о счастье умирают.

151. Спустя две недели человек выздоровел. И пошел на работу. И отработал весь день. И возвращался домой. Люди проходили мимо него толпами, не обращая на него ни малейшего внимания. Он вспомнил, как ему было плохо прошлой зимой, когда он полуголодный, оттого что не успел пообедать, и полуживой, оттого что никак не мог оправиться от гриппа, стоял после работы на морозе и кушал шаурму. Он был бледный, и он видел со стороны, что ему плохо. Что он теряет сознание. Что это какая-то жуткая страшная боль, боль, которую ему причиняет жизнь. Но он собрался с силами, доел шаурму и поехал домой. И пролежал пластом двое суток.

152. Друзей у него практически не осталось. И иногда у него возникало сильное желание с кем-нибудь поговорить на улице. Он обо всем подробно расспрашивал в магазине и везде, где это было возможно. Он знакомился на улице с девушками, чтобы просто почувствовать, что все эти люди, которых он видел за день, не вымышленные, что они живые. Часто он даже не брал номера телефонов у девушек, которые с удовольствием готовы были их продиктовать, поэтому многие из них думали, что он ненормальный.

153. Как-то в метро он увидел очень красивую девушку. Это была высокая длинноногая девушка лет восемнадцати. При своем среднем росте ему всегда нравились девушки намного выше него. В вагоне было мало народу, и он подсел к ней и поздоровался. Она даже не повернула в его сторону голову. Он страшно разволновался и поздоровался снова. Она опять никак не отреагировала. Тогда он попытался прикоснуться к ней, чтобы убедиться, что она не обман зрения. Девушка встала и скорчила такую отвратительную гримасу, что словно сама смерть посмотрела на него. В этой гримасе было столько отвращения и омерзения, что человеку стало не по себе.

154. Она снилась ему всю ночь. Ее соски сверкали, как узор на парче. Ее тело, теплое и открытое, как море. Ее губы, как двери в рай. Ее волосы пахли летней грозой.

155. Из темноты раздался птичий свист. Попугай налетел на человека, как коршун. В этом маленьком создании было столько от больших грозных птиц. - Кушал сегодня, коршун?

156. Попугай вертел головой и семенил по его груди. Он остановился на плече и заглянул человеку в глаза. Человек, в свою очередь, посмотрел в его глаза. Казалось, сама пустота через этого попугая смотрит на человека.

157. Если тоска решила догрызть окончательно, надо срочно выходить на улицу, туда, где много людей.

158. После работы. Паралич воли. Кризис амбиций. Жить чужой жизнью. Попытки найти свой путь. Дорога домой. Фонтаны сверкают. Улицы сверкают. Тяжелый бриллиант солнца на легкой ангельской шее неба.

159. Каждый день в суете дня мы встречаем смерть и проходим мимо. Она может явиться в виде любимого человека, случайно увиденной прекрасной девушки или продавца в магазине. Она постоянно меняет облик. Но если задуматься, всегда можно догадаться, в чьем облики она явилась сегодня. Мы можем годами общаться с человеком, даже не подозревая, что общаемся с самой смертью.

160. Все мы медленно, но верно сходим с ума. И стареем. Стареем с невообразимой скоростью. И раз в год переживаем календарный день, не подозревая, что когда-нибудь это будет днем нашей смерти.

161. Мы пытаемся запечатлеть свою молодость и жажду к жизни через фотоснимки, видеозаписи, дневники. Мы громоздим в наших компьютерах гигабайты информации о себе. Мы перебираем эти маленькие осколки огромных

ослепительных воспоминаний и предаемся мучительной ностальгической тоске. Мы письма без адреса. Мы словно робинзоны на островах своих квартир.

162. Человек часто ходил на выставки. Искусство он воспринимал как религию. Это было его единственным спасением. Он занимался всем подряд - писал поэзию, прозу, пьесы, музыку, картины, снимал видео, занимался бумажной архитектурой. Ему надо было постоянно выбираться из болота обыденности, в которое его заталкивало общество, школа, родители. И долгое время он искал аварийный выход. Этим выходом стало искусство.

163. В какой-то момент человек начал понимать, что произведения искусства – это сообщения, посланные человечеству. Это эстафета, фиксация поиска одного художника, заархивированная для продолжения работы следующим художником. Это очередная ступень, к которой нужно пристроить новую ступень. Это путь к гармонии, вершинам мироздания. Это карта к острову сокровищ внутри нас.

164. Весна всегда действует на людей амбивалентно: удручающе и веселяще одновременно. Это время, когда просыпается природа вне нас и внутри нас. Люди начинают ждать лета. И лето вливается в их кровь ударной солнечной инъекцией.

165. Весна и осень - пограничные сезоны. Это время рассуждений и рефлексий. Тайм-аут, в течение которого мы пытаемся разобраться в себе. Не случайно, что тема весны и осени - сквозная в восточной философии. В такие периоды все мы воспринимаем мир по-восточному. Мы отключаем наше западное сознание. Мы смотрим в окно и видим себя.

166. Материальное - неподвижно, духовное подвижно. Вот почему истинно мудрый выбирает движущуюся цель.

167. Я затыкаю уши ватой и слышу звук собственной оболочки, собственного существования. Я слышу ритм своего сердца, пульсацию в мозгу, работу своего организма. Приглушенные звуки, доносящиеся из окна. Мы слушаем темноту, улицу, туман, дождь, снег, зной. Мы слушаем людей - важно не только, что они говорят, но и как они это делают, как они звучат.

168. Момент затишья города - момент истины. Внезапно вой полицейской сирены вспарывает сознание.

169. В первобытные времена художник выбирал для наскальной живописи только те места, где была хорошая акустика. И чем нужнее нарисованное животное, тем

громче и раскатистее эхо в этом месте пещеры. Возможно, первобытные люди считали, что рисунок должен звучать.

170. Нам нужен мир, в котором было бы место и супертехнологиям и первобытным порывам.

171. Не правда, что природа прекрасна сама по себе. Прекрасной ее делает сознание: художники, поэты, философы. Причем это не просто сознание, а сознание воображения. Эта работа машины сна, работа скрытого сознания.

172. Воображение создает смыслы, образы, идеи, позволяющие всем остальным приобщиться к глубинному, скрытому знанию. Знанию, объединяющему всех нас вместе. Мы никогда не знаем, что нас по-настоящему сдерживает от того, чтобы стать счастливыми. Мы можем только предполагать, что это интеллект, социальные обязательства, мораль. Что-то удерживает нас. Какое-то странное горькое ощущение предела.

173. Боги лета опускаются на землю. Спортивный азарт соблазнительного тела, просвечивающего из-под одежды. Подмигивающее нижнее белье. Птицы разыгрывают симфонию райских звуков. Насекомые фотоаппаратов кусаются в парках. Крупная статная грудь, проплывающая, как огромный океанский лайнер, отправляющийся к тропическим берегам. Светящиеся счастьем волосы, охваченные огнем солнца.

174. Человек вспомнил, как возвращался с защиты диплома. Ветер бил ему в лицо. А он шел и думал: что теперь? До этого момента все было понятно, что же делать дальше? Он пытался найти что-то, за что можно было бы ухватиться. Какая-нибудь важная идея, интересная цель. Но что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?

175. Увлечение библией. Премудрости на каждый день. Иной человек искусен и многих учит, а для своей души бесполезен. Религиозные сакральные тексты. Архетипы в концентрированном виде. В конце концов, каждый истинный художник чувствует себя пророком, учителем. А все великие книги не только написаны в одном духе, но и продолжают друг друга.

176. И вот человек идет, ощущая себя мессией. Он летел. И встречные лица людей разбивались о его лицо, как птицы о лобовое стекло самолета.

177. В жизни случаются моменты, когда нужно кому-нибудь позвонить. Непонятно кому и непонятно зачем. Но этот звонок необходим. Позвонить кому-нибудь, кто

ждет. У него был один телефон, который он приберегал на самый крайний случай. Вроде последней пули в пистолете, которую оставляешь для себя.

178. Всякий раз, как он думал ей позвонить, его охватывало жуткое волнение. У него пересыхало во рту, стучало в висках и груди, дрожал голос и тряслись руки. Некоторые называют это любовью. Божественным даром, данным человечеству во спасение. Но он воспринимал любовь как мучительный жертвенный огонь, на котором, - в чаду, запахах и копоти - жарилось рагу из его души.

179. И он позвонил. Она не брала трубку. Он позвонил еще раз. Это был ее голос. Он говорил первое, что приходило на ум. Спрашивал об экзаменах. Игра в одни ворота. Она отвечала односложно: да-нет. Как булевая переменная. Истина-ложь. 1 или 0.

180. Он хотел сказать что-то очень важное, самое главное. Но он чиркал словами, как отсырелой спичкой, не имея никакой возможности высечь огонь. У нее есть кто-то. Она едет с ним за город. Отрезанная голова дня покатила в кювет.

181. Он пришел домой на автопилоте. В голове шумел ураган. Срывало крышу. Он подошел к зеркалу и смачно поцеловал себя в губы.

182. Диван был на своем месте. Он подошел к нему и, не включая света, лег, словно на операционный стол.

183. Словно какой-то компьютерный вирус вмиг заблокировал его память. В голове был чистый лист. Он не мог вспомнить ничего из своей жизни. Он не мог вспомнить себя. Вдруг в сознании появилась точка и стала делиться. И в какие-то секунды весь лист заполнился этими точками. Когда же лист стал черным, он уснул, погруженный в какой-то жуткий кошмар.

184. Утром его разбудил попугайчик. Иногда беззаботные и безразличные вещи приводят к чудесному исцелению там, где бессильно самое преданное участие.

185. Басё засунул клюв в маленький желтый декоративный кувшинчик, который когда-то появился в квартире неизвестно откуда, и крикнул. Словно яркая свежая мысль материализовалась и превратилась в него. Он стоял на подоконнике и горел, как резкий мазок желтого кадмия.

186. У кувшинчика было маленькое вытянутое горлышко, и попугайчик его облюбовал. Он любил покричать в него. Крякнет что-то - и тут же слушает. Очень музыкальный.

187. Иногда дни превращаются в длинный-предлинный железнодорожный состав, который наблюдаешь, стоя в стороне. Он все проносится и проносится мимо, громокая заполненными грузом вагонами. И эти составы устрашающи.

188. Все свободное время человек писал. Обычно он писал романы, начиная параллельно сразу по шесть-семь штук. Персонажей в романах не было. Действующими лицами были мысли. Видимо, поэтому его нигде не публиковали. Он словно хотел полностью исписать то, что у него внутри, чтобы вычистить себя, не оставить в себе ничего непонятного.

189. Одним из первых крупных его романов было фантастическое произведение "Кикос", про звездолет, отправившийся непонятно куда и неизвестно откуда. Люди, находящиеся на нем, сами уже не помнили, как они в него попали. Навигация окончательно вышла из строя, поэтому курс корабля не знал даже капитан. Однако никто не собирался покидать корабль. Да это и невозможно было сделать, поскольку они находились в безлюдном холодном открытом космосе неизвестно на каком расстоянии до Земли. Все выжидали чего-то, надеялись на чудо. На то, что вот-вот они куда-то прилетят, и это окажется Землей или другой обитаемой планетой.

190. Название "Кикос" заимствовано из армянской сказки о том, как молодая незамужняя девушка потеряла несуществующего сына. Достаточно непростой сюжет для сказки. Горе по не существующему, но желанному.

191. Этот глубинный экзистенциальный мотив человек извлек из своего существования и заложил в свое произведение. Оно получилось нестандартным, комичным и изобиловало кучей гипотетических деталей будущего. Например, инсталляция "Темная комната". Подразумевалось, что это достаточно распространенный аттракцион будущего. Смысл этого аттракциона состоял в следующем. В абсолютно темную комнату запускают около тридцати голых девушек разной комплекции и красоты. Потом запускают парня, который пытается их поймать. Девушки должны стараться не издавать никаких звуков. Пойманная девушка выбывает из "темной комнаты". В результате остается одна девушка, с которой парень обязан провести уик-энд.

192. Прошло время, и человек поступил в аспирантуру, параллельно работал в банке. Появились первые деньги. Работа убивала его. Диссертация убивала его. Девушка, в которую он был влюблен и которая любила другого человека, убивала его.

193. Когда все идет из рук вон плохо, важно сделать перезагрузку: уехать ненадолго из города. Нехороший, угрожающий ритм надо сбивать. Так человек и поступил. Он купил билет в Сочи и полетел заряжаться энергией.

194. Приехав с моря, он тут же написал небольшой, но очень личный для него эротический рассказ. Человек встретил ее на пляже в один из знойных июльских дней. День был игривым и раскачивался на солнечной ветке, болтая ногами. Вдруг проломился асфальт, и из его недр расцвела она. В белом развевающемся платье, нежном и легком, как птица в весеннем небе.

195. По утрам он рано просыпался и шел на пляж. А где-то к полудню возвращался домой и, плотно позавтракав, ложился в гамак отдыхать в теничке. Солнце золотило паутинки над его головой, гамак медленно раскачивался, и он впадал в сладкий, обильно сдобренный морским воздухом и эротическими пляжными впечатлениями сон. Иногда он просыпался поздно, когда солнце своим жгучим полуденным языком уже вылизывало его шею и уши. Пляж в это время уже был забит до отказа, и единственным выходом было переждать жару в тенистой кафешке в центре города.

196. Он заказал чай со льдом. Не прошло и минуты, как среди бурного потока отдыхающих появилась она. И его кишки обожгло страстное головокружительное желание. Словно он раскачивался на качелях и вдруг сорвался, полетев в черную пустоту. Что-то мощное из самой глубины его души, из самой пучины вдруг стало подниматься, обжигая кровеносные сосуды и заставляя сокращаться мозг, как какую-то медузу. Его пах начал излучать мощную энергию, словно там включили супермощную электростанцию, и ее мощность начинает работать в разнос.

197. Она шла непринужденно, веселая, яркая, загорелая. Он сосредоточенно и молча шел за ней, находясь в каком-то гипнотическом оцепенении. Длинные грациозные ноги в легких белых летних лодочках. Он шел за ней, и чувствовал себя первобытным охотником, взявшим, наконец, след крупной дичи. Она вышла на пляж и стала раздеваться. Человек смотрел на нее, словно на впервые увиденное за всю историю человечества инопланетное существо.

198. Она сняла платице - и из него выпорхнула ввысь яркая бабочка ее зада.

199. Она поиграла своими упругими, полными жизненных сил и энергии ягодицами. И он смотрел на эту механику плоти и был ошеломлен, как первые люди на киносеансах братьев Люмьер.

200. И она побежала к воде. Несколько минут брызг и детского визга от восторга - и она скрылась в волне.

201. Когда человек думал о женщине, на ум ему всегда почему-то приходила вода. Вода как символ жизни, движения. Как возвращение к эмбриону.

202. Все воды впадают в океан, который прекрасен, но бездонен и глубок. И эти бездонность и глубина устрашающи. Ведь даже когда океан безмятежен и спокоен, он опасен. То же и с женщинами.

203. Она очень хорошо плавала. Она была в своей стихии. В отличии от него, который барахтался возле берега с детишками на надувных матрасах.

204. Человек уже вылез из воды и сидел на полотенце, смотря сонным разомлевшим взглядом на воду. Вдруг воды разверзлись, и из воды появилась она.

205. Она вышла на берег, слегка обтерлась полотенцем и присела на маленький чудный коврик.

206. Его сердце бешено стучало. Его щеки пульсировали, как бешено сокращающиеся мышцы при оргазме. Он подумал: сейчас или никогда!

207. Только он хотел к ней подойти, как его опередил высокий здоровый детина атлетического телосложения. Но она что-то ему мило ответила, и он ушел. Женщины - лучшие дрессировщицы.

208. Человек не верил своим глазам. Она отвергла вполне симпатичного парня, сложенного намного лучше него. И он так быстро сдался. Это было удивительно. И вместо того, чтобы обрадоваться, в тот момент он вдруг решил, что у него нет ни малейшего шанса познакомиться с ней. Но он встал и пошел. Пройдя несколько шагов и повинаясь какому-то сильному внутреннему течению, он вышел напрямик к ней. Он не знал, что говорить. Мысли путались. Паника. И подойдя к ней вплотную, он кое-как что-то вымолвил.

209. Она посмотрела на него своими лучистыми серо-зелеными глазами, и он ощутил, что у него немеют ноги.

210. Человек был в таком замешательстве, что сам не понял, что сказал. И с удовольствием сбежал бы и даже уехал бы из этого чудного курортного городка, о котором столько мечтал. Но какая-то невидимая сила держала меня возле нее. Он не мог шелохнуться.

211. Его можно было бы кормить с рук. Он смотрел ей прямо в глаза, как верный пес, и словно летел в пропасть, не имея возможности остановиться.

212. Видимо, у него было такой жалкий вид, что она засмеялась и, протянув руку, сказала: Очень приятно.

213. Через полчаса они уже гуляли по центру города. Она прекрасно знала город и рассказывала о его улицах.

214. Они шли по небольшому зеленому бульварчику мимо роскошных раскидистых каштанов. Он ничего не говорил - только смотрел на нее.

215. Ей было лет 20, темные густые волнистые волосы до плеч, очень красивые пухлые губы, высокие скулы, правильный нос, миндалевидные восточные глаза, которые она подчеркивала тенями в цвет.

216. Еще он увидел три маленькие родинки, которые можно было заметить только при длительном вглядывании. Одна крошечная родинка под губами на подбородке, одна - очень красивая - за левым ухом, и еще одна еле заметная выглядывала из-под выреза на груди.

217. Ее алый купальник под кипельно белым платицем безумно волновал его. Словно сама ее суть, сама ее страсть светила из-под одежды.

218. Она рассказала, что приехала к отцу, который давно живет в этом городке, и что она живет совсем недалеко. Он очень обрадовался этому обстоятельству и тут же начал пытаться произвести на нее впечатление.

219. Человек заговорил о том, что учится в аспирантуре и пишет очень важную и интересную работу. И что он, к тому же, потрясающий художник (в то время он еще совсем плохо рисовал) и очень хочет ее нарисовать (он всегда так говорил девушкам, с которыми очень хотел переспать).

220. Он включал все свое обаяние. Он говорил все возможное и невозможное. Пытался острить. Придумывал на ходу случаи из своей жизни, и если бы она его вовремя не остановила, он дошел бы до того, что летал в космос и даже побывал на Марсе.

221. Человек проводил ее до дома, и они расстались, пообещав встретиться завтра на пляже. Он рассчитывал на поцелуй, но она лишь вильнула бедром и забежала в дом. А он побежал со всех ног домой, сбрасывать напряжение, которого за этот день

накопилось столько, что, в случае оргазма, он мог бы сбить спермой самолет Боинг-747.

222. На следующий день они встретились на пляже, на том же самом месте, где вчера и познакомились. Она была в облегающих джинсах, и на этот раз он детально разглядел ее зад (в первую их встречу он был сильно встревожен, чтобы обращать внимание на что-то, кроме ее цельного образа). О боги! Это было воистину ошеломляющее зрелище. Человек словно всю свою жизнь блуждал в лабиринтах пещеры и только сейчас разглядел выход. Луч света в темном царстве! Величественный божественный высоко посаженный зад! Зад, сводящий с ума! Зад-убийца!

223. Они забежали в воду вместе, держась за руки. Она сразу далеко уплыла, а он остался барахтаться у самого берега. Заметив, что он не плавает, она подплыла к нему. Он рассказал, что не умеет плавать, и она тут же взялась научить его. Он держался за нее и молотил руками и ногами изо всех сил, а она смеялась, прячась от брызг.

224. Потом они поехали на автобусе в центр и посидели в кафе. После чего он проводил ее до дома, и она пригласила его зайти. Отца не было дома. Она прошла на кухню. Он шел за ней. Он говорил, что не пьет кофе, и она сказала, что напоит его чаем. Она подошла к крану и стала набирать воду в чайник. Она вела себя непринужденно.

225. Он больше не мог сдерживаться. Он подошел к ней сзади вплотную и обнял за талию. Он почувствовала, как сквозь тонкую ткань майки горит ее плоть. Словно алые свежие цветы, застывшие в холодной стеклянной вазе.

226. Она молчала и пахла. Это был пьянящий сводящий с ума запах сладкой девической плоти. Он прижимался носом и губами к ее волосам, к нежной благоухающей ложбинке на шее, где пухом вьются волосы. Он водил руками по ее бедрам, и она подыгрывала ему, медленно вращая ими.

227. Его руки потянулись к ее паху. Он запустил руку ей под джинсы и сквозь ее тонкие трусики почувствовал податливый нежно топорщащий стриженный зверек ее паха.

228. Его изучение ее географии началось с шеи. Нежная высокая шея, в которой все деревья мира, все пути вверх к небу сошлись в своей символической. Он поднимался по

ней все выше и выше, как макака по высокой раскидистой пальме, чтобы сорвать на вершине кокос ее губ.

229. По пути он встречал родинки, и они улыбались ему и рассказывали обо всем, что знали и обо всех, кого видели. Он целовался с ними в засос, и они кружили его в диком первобытном танце. Именно тогда он понял, что родинки – это особые концентрированные эрогенные зоны, отмеченные специально для поцелуев.

230. Когда шея закончилась, он окунулся носом в ее волосы и впервые с детства почувствовал запах материнства, запах всех потенциально возможных деток, которых она может породить алхимической работой своей репродуктивной лаборатории, которая сейчас сладко покоилась у нее в животе.

231. Через шею он пробрался к ее ушкам. О, это были воистину вулканические ушки. Стоило к ним прикоснуться, как они начинали кипеть и кувыркаться, расплываясь лавой страсти, в которой медленно растворялся и он сам.

232. После длительного и опасного перевала ушек, он оказался перед усталыми цветами сладостными холмами ее губ, которые двигались в дымке из алых облаков ее румянца. И он набросился на них как дикий зверь. Это был именно тот случай, когда красота настолько невыносима, что хочется ее уничтожить.

233. Он с остервенением кусал ее губы. Он хотел их съесть, разжевать и проглотить. Он проникал ей в рот все глубже, погружаясь во влажную мякоть ее плоти и ощущая языком ее неутомимый хитрый язычок и острые зубки, которые кусали его, как шипы на розах.

234. Он боролся с ее ртом, сражался с ним, как финалист на чемпионате мира по вольной борьбе. Он вкусил этот плод. Сладко-горький плод любви. Разламывающийся и обнажающий свое нутро, как спелый фрукт.

235. После ее губ он уже сошел с ума и целовал ее куда попало и как попало, то проникая ей в самую глотку, то выбираясь на берег ее щек.

236. Он тонул в ней.

237. Он захлебывался своей страстью. Он терял рассудок и обретал его вновь по тысяче раз в минуту. Это были американские горки. И его несло то в свободном падении вниз, то резким трамплином вверх.

238. Она размякла. Пальцами он почувствовал, как увлажнилось ее влагалище. Оно лизало его руку, как добрый преданный пес. Он чувствовал, как разверзается бездна. Как пульсирует ее нутро. Его пальцы проникли в нее. Его засасывало в нее. Словно образовалась воронка, черная дыра, втягивающая в себя время и пространство, все сущее. Его кружило и колотило.

239. Она сладко стонала и двигалась навстречу его руке. И он извлекал из нее эти прекрасные звуки смычком своей руки. Она была диковинным инструментом, а он - музыкантом, пытающимся разобраться в тонкостях ее мелодизма.

240. Ее бедра источали жар, а глаза пылали. Она прижималась к нему лицом, и внезапно он ощущал на своих губах ее жаркий дерзкий лизок. Ее небольшая грудь со светлыми острыми сосками обрушивали на него жар такой неимоверной силы, что его член вздымался ввысь, к самым небесам, как мощное разрушительное цунами.

241. Он сделал несколько кусательно-сосательных вращений языком вокруг ее соска. Она улыбнулась и нежно прижала его голову к себе. Он был загипнотизированным кроликом в многочисленных извивах ее прелестей. И она играла с ним перед тем, как проглотить.

242. Тут гигантская волна, идущая из самых глубин души, накрыла его. Его член уперся в ее пах. И он водил им по нему, словно рисуя шелковистые узоры на парче.

243. Пушистая электрическая гусеница его члена пожирает сочный лист ее зада.

244. Он ощущал каждую секунду того, как она пропускала его в себя. Словно змея, медленно заглатывающая кролика и проталкивающая его вглубь себя.

245. Они поддались общему всепожирающему ритму. Ее живот судорожно сжимался. И человек ощущал, как волны удовольствия пробегают по их телам, от нее к нему и обратно. Их языки, их судьбы, их вены переплетались.

246. Он затерялся в ее волосах. Она водила задом по его яйцам, и они щебетали от счастья, как весенние птицы. А его член вдруг распрямил крылья, как гордый белый лебедь, и взмыл к самым облакам.

247. Слюна ее была сладка, а взгляд невинен. Она виртуозно вращала бедрами и царапалась сосками.

248. Солнечное затмение. Они превратились в одно цельное скачущее к пропасти животное. И чем ближе они приближались, тем сильнее колотилось его сердце.

249. И, присасываясь к ее соскам, он чувствовал, в каких карамельно-сладких волнообразных спазмах трепещет ее сердце.

250. Они неслись во весь опор. Они пришпоривали друг друга. Они торопились прожить эти последние секунды до счастья.

251. И вот они уже прыгают в пропасть.

252. Прыжок. Счастье невесомости. Свободное падение. Некоторое время они висят в воздухе. Перед ними проносится вся жизнь. И - разражается мощный залп оргазма.

253. Она пронзительно кричит. И это крик высшей степени счастья. Крик вне времени и пространства. Стремительное головокружающее падение.

254. Его член пророс в нее и распустился цветком спермы.

255. Они летят вниз, как подбитые истребители. Они стремительно падают, цепляясь друг за друга.

256. Он чувствует, как сладко пульсирует ее влагалище. Он держит в руках ее трепещущий зад, как голубя, пытающегося вырваться из рук. Ее дыхание воспламенилось на его груди. Он прижал ее к сердцу и стал водить пальцами по ее талии, и она вздрагивала и повизгивала от щекотки.

257. Ночь пролетела быстро. Сладострастное нежное сплетение тел. Обжигающий вкус красоты на губах. Ее глаза вновь распахнуты, как окна в сад. Он целует ее в ушко и, стискивая в объятиях, засыпает с улыбкой на губах.

258. Эта девушка надолго врезалась в его память. Она осталась жить в его сердце навсегда. Человек жил с целым адом в душе, заполненным призраками его прошлых любовей. Человек жил с целым раем в душе, заполненным волшебством его прошлых любовей. И все испытанные к ним чувства, он ощущал сейчас не менее остро, чем в те моменты, когда они возникли.

259. Очевидно, что, раздеваясь донага, люди превращаются в зверей. Они забывают слова и числа. Они забывают смыслы. Они превращаются в ощущения.

260. Полвторого. День в самом разгаре. Улицы шумят, как мусороуборочные машины. Еще немного – и вечер. А ближе к вечеру из нор метро выбегают миллионы крыс людей и разбегаются по щелям своих квартир. В транспорте лица переплетаются друг с другом, как живая изгородь. Но сейчас я очень далек от них. Я закрываю глаза и переношусь в свой сад. Заповедное место, не подвластное времени. Место, где чувства хранятся в первозданном виде.

1997-2011.